

В защиту «психолингвистического» подхода

П. С. КУСЛИЙ

Александр Леонидович, видимо, прав, когда утверждает, что философия науки дает внятный ответ на вопрос о том, что такое знание. Однако ценность такой внятности представляется мне сомнительной, поскольку дать внятный ответ на вопрос еще не означает дать удовлетворительный ответ. Ниже я постараюсь коротко обозначить некоторые причины, почему (1) языковой анализ, критикуемый Никифоровым, важен для эпистемологического исследования, (2) предложенное Никифоровым определение знания неудовлетворительно, (3) сама концепция знания Александра Леонидовича представляется непоследовательной. Наконец, (4) я сделаю небольшое техническое замечание относительно предлагаемого автором в начале статьи перечисления основных характеристик знания.

1. Анализ употребления в языке слова «знание» или «знать» может сказать нам гораздо больше о том, каким условиям должно отвечать искомое определение знания, чем это порой кажется некоторым философам. Разумеется, словоупотребление – вещь конвенциональная: одни могут называть «знанием» только научное знание, другие – только обыденное, третьи – и то, и другое и т.д. Поэтому всегда важно не забывать, что языковой анализ – это не сама философия, а лишь один из инструментов, который может быть весьма полезен в конкретном философском исследовании. Однако полное пренебрежение этим инструментом и даже зачастую встречающееся сегодня брезгливое к нему отношение кажется совершенно необоснованным.

* Подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 09-03-00624а.

Если философ дает определение знанию, которое не соответствует языковому употреблению термина «знание» или «знать», то вряд ли можно считать его определение удовлетворительным, т.е. решающим нашу изначальную проблему о природе знания. В этом смысле язык является эффективным критерием соответствия или несоответствия конкретной философской концепции тем ожиданиям, которые мы интуитивно строим относительно ответа на исследуемый вопрос. И, похоже, проверку именно этим критерием не проходит концепция знания, предложенная Александром Леонидовичем.

2. Под определение, которое А.Л. Никифоров дает знанию, подпадает, скажем, содержание научных книг. Однако, как быть с содержанием тех из них, о которых никому не известно и авторы которых мертвы? Когда мы обнаруживаем такие книги, то считаем их содержание открытием и, усваивая его, скорее говорим, что обретаем новое знание, но уж никак не утверждаем, что и ранее знали их содержание, лишь на том основании, что они все это время существовали. Поэтому вряд ли можно считать знанием информацию (пусть рациональную и некогда проверенную), если эта информация где-то объективно существует, но о ней никому не известно.

Если мы принимаем данный вывод, то, видимо, мы будем вынуждены принять и следующее: знание всегда предполагает наличие обладателя этого знания. Иными словами, необходимым условием того, чтобы p являлось знанием, является наличие веры в p у некоторого субъекта. Именно данное требование наличия веры, как условия возможности знания, вынуждает нас анализировать знание посредством рассмотрения предложений типа « S знает, что p ».

Таким образом, исследование проблемы знания посредством анализа условий истинности суждения « S знает, что p » учитывает веру, как фундаментальный аспект природы знания. Исключать его из комплекса тем, которые следует исследовать при анализе знания, значит пытаться представить под видом знания нечто отличное от того, что мы все интуитивно полагаем под знанием.

3. Перечисляя черты, присущие знанию, Александр Леонидович ничего не говорит о том, должны ли выражающие знание предложения соответствовать реальности. Ведь рациональными (логически когерентными) и проверенными могут быть предложения, которые не соответствуют реальности. Примером будет здесь предложение о том, что Солнце вращается вокруг Земли. Его обоснование может быть и рациональным, и проверенным, но при этом оно не будет соответствовать реальности. Можно ли считать такое предложение выражающим знание? Думаю, что вряд ли.

В этом контексте хочется также обратить внимание и на то, что, касаясь темы истины, Александр Леонидович пишет, что предложения, в которых выражается знание, «мы оцениваем как истинные». Однако в других своих работах¹ он определяет истину в терминах отражения. Иными словами, у Александра Леонидовича, похоже, выходит, что отражает предложение реальность или нет, зависит от нашей оценки этого предложения. Но если факт отражения реальности предложением зависит от нашей оценки, то значит, что и то, какова реальность, тоже должно зависеть от нашей оценки. Лично мне сложно согласиться с данным выводом.

4. Перечисляя черты, присущие знанию, А.Л. Никифоров в пункте 2 приводит требование рациональности, как соответствия законам логики. Это делает пункт 4 (об intersубъективности и том, что он называет «общезначимостью») излишним. Ведь рациональность и законы логики intersубъективны по определению.

^{*} См. А.Л. Никифоров. Понятие истины в теории познания // Эпистемология & философия науки. Т. XVI. № 2. 2008.